

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ

Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году

<Фрагмент>

ГЛАВА XIII *Аустерлицкое сражение*

Ныне, по прошествии сорока лет от сражения Аустерлицкого, столько же непростительно будет не сказать об нем всей правды, сколько странно покажется, если историк вознамерится умалчивать истину о поражении русских под Нарвою в царствование Петра Великого. Опишем кровавый день Аустерлица так беспристрастно, как повествовали мы о победах Александра.

Ноября 20-го в 8-м часу утра первые три колонны выступили с ночлега*: Дохтуров пошел к Тельнице; на правом крыле его следовал граф Ланжерон; Пржибышевский спускался от Працена к Сокольнице. Наполеон стоял на кургане при Шлапанице, окруженный своими маршалами, еще до зари к нему созванными. Движения наши были сперва скрыты от него туманом. Когда солнце озарило вершины гор, Наполеон увидел, что занимаемые нами высоты обнажались от войск, и наши колонны приняли направление, совершенно согласное с объявленным им в приказе по армии. Очевидно убедясь в том, отдал он маршалам окончательные повеления: 1) Бернадоту и Сульту, овладев Праценскими высотами, разрезать нашу армию на две части и начать атаку через полчаса, рассчитывая, что к тому времени союзные войска еще более разобщатся; 2) резервной коннице Мюрата, гренадерам Удино и гвардии Бессиера следовать за Сультом и Бернадотом; 3) Ланну и Даву действовать на флангах оборонительно, пока не решится успех в центре. Бивачный дым и туман, покрывая долины, не позволяли нам видеть войск, собранных Наполеоном в предшествовавший вечер по сю сторону дефилей, и у нас оставались в мнении, что неприятель стоит за ручьями и озерами.

Первые ружейные выстрелы раздались на нашем левом крыле, где ближе всех к французам, у Аугеста, находился отряд Кинмейера, долженствовавший взять Тельниц и очистить путь для 1-й колонны

* План сражения под Аустерлицом, № 7-й.

Дохтурова. Кинмейер встретил впереди Тельница часть дивизий Леграна и Маргарона, расположенных на оконечности правого крыла французской армии. Селение Тельниц, окруженное виноградниками и рвами, давало неприятелю сильную оборону.

В 9-м часу прибыли на поле сражения императоры Александр и Франц. Государя сопровождали генералы Сухтелен и граф Аракчеев, генерал-адъютанты граф Ливен, Винцингероде и князь Гагарин, тайные советники князь Чарторыйский, граф Строганов и Новосильцов. Подъехав к Кутузову и видя, что ружья стояли в козлах, император Александр спросил его: «Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?» — «Я поджидаю,— отвечал Кутузов,— чтобы все войска колонны пособрались». Император сказал: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки»¹. — «Государь! — отвечал Кутузов,— потому то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!»²* Приказание было отдано. Войско начало становиться в ружье, и послали вперед авангард: два батальона Новгородского полка, за ними батальон Апшеронский и взвод Австрийских драгунов эрцгерцога Иоанна. Авантгард поручили подполковнику Монахтину, офицеру высоких достоинств, падшему под Бородиным. С ним пошел сам Милорадович. Никогда не сомневаясь в удаче, весело приветствовал он войска, и когда апшеронцы проходили мимо Государя, Милорадович напомнил им Италию, и сказал: «Вам не первую деревню брать».

Движение авангарда совершилось в то время, когда Наполеон увидел, что наше левое крыло вошло в дефилие у Тельница и Сокольница, и начал наступление на Працен: Сульт шел на правом крыле, Бернадот на левом; за ними следовали Миорат с конницею, Удино с гренадерами и Бессиер с гвардию. Наполеон ехал между боевыми корпусами и резервами. Едва Милорадович миновал с авангардом селение Працен и начал входить в открытые места, как увидел грозное наступление французов. Встреченные жестоким огнем, два батальона Новгородского полка, «не держась нимало, обратились назад» **, смешали бывший позади их батальон Апшеронский, бежали мимо императора Александра, к левому флангу колонны и не внимали словам монарха, не узнав его. Беспрерывно, в продолжение двух лет сряду, приучаемые лично Наполеоном к маневрам в Булонском лагере, французы стройно и быстро шли на высоты и атаковали четвертую колонну с фронта и с флангов.

Так с самого начала сражение приняло в центре другой вид: из наступательного положения мы были обращены в оборонительное, и атакованы, когда шли атаковать. Завеса, таившая от нас замыслы Наполеона,

---

* Со слов князя Волконского, стоявшего подле Кутузова.

** Собственные слова из секретного донесения Кутузова государю, от 28-го декабря.

поднялась и открыла намерение его разрезать нашу армию на две части. Для предупреждения покушений его надлежало, во что бы ни стало, удержать Праценские высоты и не дать Наполеону сломить нашего центра; надлежало принять новые меры и решиться на них мгновенно. На месте, где так внезапно собралась гроза, распоряжались императоры Александр и Франц, Кутузов, русские и австрийские генералы, бывшие при монархах и при четвертой колонне. Милорадович повел в дело полки Малороссийский, Смоленский, Апшеронский и гренадерский батальон Новгородского, не поступавший в состав авангарда. Громады французов валили на высоты с разных сторон. Кутузов понесся вперед и был ранен пулею в щеку. Император Александр послал к нему лейб-медика Виллие. «Поблагодари государя,— сказал Кутузов врачу,— и доложи, что моя рана неопасна, но смертельная рана вот где!» — прибавил он, указывая на французов. Неприятели были так близко, что Кутузов мог видеть лица их. Облитый кровью, под пулями отдавал он приказания, слабо внимаемые в суматохе. Австрийский генерал Юрчек, шефы Малороссийского гренадерского полка Берг и Новгородского Репнинский были ранены. Любимый зять Кутузова, флигель-адъютант граф Тизенгаузен, с знаменем в руках повел вперед один расстроенный батальон и пал, пронзенный насеквостью пулею. Повсеместное наступление французов, смерть и раны многих начальников привели войско в замешательство. Милорадович старался держаться, пока построятся за ним австрийцы, и после невероятных частных усилий со стороны офицеров и солдат, был опрокинут. Он стал приводить отряд в порядок позади австрийцев, но осыпаемые убийственным огнем, в самое короткое время лишась выбывшими из строя 2388 человек, они побежали и увлекли за собою с горы отряд Милорадовича. Свидетель бедствия, император Александр приказал Милорадовичу собирать людей и отступать к Аустерлицу*.

Во время сих действий, продолжавшихся часа два, потеряно союзниками много полковой артиллерии. Бывшая на правом крыле четвертой колонны австрийская батарея приняла шедших в обход нам справа французов за русское войско и перестала стрелять**. Французы схватили ее. Русская батарейная рота, стоявшая на левом крыле колонны, сперва пошла вперед с Милорадовичем, но при обратном движении пехоты, подалась назад, снялась с передков, стреляя куда ни попало

* Quand deux bataillons qui étaient en avant se sont trouvés surpris en marche par l'ennemi, j'ai marché avec le reste en avant, et j'ai soutenu le combat jusqu'à ce que les Autrichiens ont pris leurs positions derrière moi. M'ayant ensuite replié sur eux, ils ont quitté leur position, et mes gens s'étant dispersés, j'avais toute la peine possible à les réunir devant les yeux de l'Empereur, et sous le feu de mitrailles. C'est alors que j'ai reçu l'ordre de Sa Majesté de me retirer sur Austerlitz. Письмо Милорадовича к Кутузову.

** Österreichische Militair Zeitschrift. 1822. P. 283.

и не в надлежащем расстоянии. Вскоре осталась она без прикрытия, и французские стрелки быстро приблизились к ней. Начальник роты велел отступать и уехал из дела с офицерами. Отойдя немного назад, нижние чины, невзирая на отлучку офицеров, остановились и возобновили пальбу. В ту минуту явился к ним Милорадович и приветствовал горсть храбрых. Голос любимого начальника возбудил их еще к большему мужеству. Но вскоре французы кинулись на батарею и взяли два орудия; с остальными наши поскакали прочь, обгоняя друг друга и попали на проселок. Два орудия спаслись и на четвертый день пришли с фейерверкером к армии, а четыре были в следующее утро взяты французами*. Вообще, когда совершилось поражение четвертой колонны, смятение было так велико, что находившиеся при государе лица потеряли его из вида, сбились с дороги и присоединились к нему уже ночью, а иные через день, даже через два. Оттого в продолжение большей части сражения при императоре находились только лейб-медик его, Виллие, берейтор Ене, конюший и два казака.

Во время разгрома центра нашего и действий графа Буксгевдена у Тельница и Сокольница происходило сражение также на правом крыле. Пятая кавалерийская колонна князя Лихтенштейна: Уланский Его Высочества Цесаревича полк и 32 эскадрона австрийцев,— должна была занять пространство между Праценом и князем Багратионом, имея в резерве гвардию. Князь Лихтенштейн опоздал прибытием на назначенное ему место, встретив, при выступлении своем с ночлега, проходившую перед ним колонну Пржибышевского. От сего промедления никем не был занят промежуток между центром и правым крылом — обстоятельство не ускользнувшее от опытного взгляда Наполеона. Он велел части дивизии Риво, из Бернадотова корпуса, сперва отправленной к Працену, и двум дивизиям корпуса Ланна, пехотной Кафарелли и драгунской Келлермана, идти к Блазовицу и занять пространство, назначенное для действий князя Лихтенштейна. Сими войсками Наполеон полагал отрезать князя Багратиона от центра нашего, но они неожиданно встретили гвардию. Подробности дела следующие:

Переночевав впереди Аустерлица, цесаревич Константин Павлович, в белом конно-гвардейском колете и в каске, повел гвардию в определенный по диспозиции час. Колоновожатым был австрийский полковник Бюлов. Гвардия переправилась через ручей у Вальк-Мюле, и остановилась, пройдя с версту по направлению к Блазовицу.

---

* Подробности заимствованы из донесения графа Каменского 2-го, имевшего поручение произвести следствие над начальником батарейной роты, который и был отдан под суд. Донесение графа Каменского 2-го Кутузову, от 13-го июня 1806-го года, № 91-й.

Не получая ни от кого известий о ходе дел, оставленный на произвол собственных сил, состоявших из 6-ти батальонов пехоты и 10-ти эскадронов конницы, без резерва, с генералами и офицерами неопытными, великий князь Константин Павлович находился в самом трудном положении. Присутствие духа не оставило царственного питомца Суворова. Он не хотел без приказаний отступать и пошел отделениями влево, к разорванному центру, прикрывая движение стрелками. Пройдя немного, увидели в правой стороне французские колонны. Гвардия построилась во фронт, ударила в штыки и смяла первые две колонны, но, преследуя их, была встречена батареями, приведена в замешательство, и потеряла одно орудие. Французская конница атаковала Семеновский полк, но была отбита, причем Семеновцы подняли на штыки вскачившего в ряды их французского полковника. Наполеоновы мамелюки врубились в Преображенский полк, но не стеную, ибо полк находился в виноградниках. Произошел кровавый бой холодным оружием. Преображенцы, ростом великаны, перекололи много мамелюков. Конная гвардия освободила пехоту от неприятельских всадников. Первые два эскадрона, под начальством полковника Оленина, ударили во фланг французам, обратили их назад и в преследовании наскакали на батальон 4-го линейного полка, изрубили его и взяли знамя — единственный трофей союзников в Аустерлицком сражении*. Освободясь от неприятельской конницы, цесаревич наспех построил гвардию и начал отступать, теснимый французами. Вскоре потом вновь атаковала его кавалерия и расстроила несколько батальонов. Наши перешли в беспорядке за ручей. В ту минуту подоспели кавалергарды и лейб-казаки, получившие при начале сражения приказание поспешать на рысях. Командир кавалергардского полка, Депрерадович приказал первым двум эскадронам атаковать французов в правый фланг, третий эскадрон пустил на центр, а 4-й и 5-й в левое крыло неприятеля. Лейб-казаки также вступили в дело. Атаки длились с четверть часа и стоили кавалергардам убитыми и ранеными 15 офицеров, 200 рядовых и 300 лошадей, но зато дали время гвардейской пехоте перебраться за овраг**. Особенно пострадали 4-й и 5-й эскадроны, напавшие на французскую конницу во время ее рукопашного боя с Семеновским полком. Они освободили пехоту, но сами попались в страшную сечу, схваченные с двух сторон конными гренадерами и егерями наполеоновой гвардии. Четвертый эскадрон кавалергардов почти весь был истреблен: уцелело только 18 человек. Командир его, князь Репнин, и несколько офицеров, все раненые, достались в плен. Опрокинутые, кавалергарды проскаакали

* Блистательная атака конной гвардии изображена на картине, находящейся в Стрельнинском дворце.

** Донесение Депрерадовича Малютину.

за ручей и там выстраивались, когда пришел генерал-майор Лобанов с лейб-grenадерским полком. Он поставил все три батальона развернутым фронтом впереди Аустерлица. Увидя лейб-гренадеров, и полагая, что они составляют голову корпуса Эссена, Наполеон заключил о скором прибытии всего корпуса его. Такое предположение заставило Наполеона прекратить дальнейший напор на гвардию и на четвертую колонну, тогда уже перешедшую обратно за ручей.

Овладев всем пространством от Блазовица до Працена и Аугеста и согнав наше войско с лежащих перед сими селениями высот, Наполеон ограничил тем наступательные действия против нашего центра. Он поставил на высотах батареи, открыл оттуда огонь, рассыпал вдоль ручья стрелков и велел атаковать: Ланну князя Багратиона, а маршалу Даву первые три колонны наши, направив в тыл их часть Сультова корпуса, гвардию и grenадеров. Атакою флангов наших начинается второе действие Аустерлицкого сражения. Был час пополудни. Уже не имея общей связи, битва представляла зрелище отдельных частных действий, как всегда случается, когда средина армии бывает прорвана и отделена от флангов.

Поутру, прочитав доставленную ему из главной квартиры диспозицию, князь Багратион сказал бывшим при нем австрийским офицерам генерального штаба: «Мы проиграем сражение». Потом он расположил войско так: в центре, поперек дороги, в две линии пехота, под начальством генерал-адъютанта князя Долгорукова; 6-й егерский полк в селениях Голубице и Круге. На левом крыле генерал-адъютант Уваров, с полками Елисаветградским гусарским, Черниговским и Харьковским драгунскими, стоявшими впереди оврага; на правом гусарские полки Мариупольский и Павлоградский; в резерве кирасирский Ее Величества, Тверской и Санкт-Петербургский драгунские. Конницею правого фланга и резерва командовали граф Витгенштейн и Чаплиц. Вскоре началось сражение. Находившийся против князя Багратиона маршал Ланн — Баярд Наполеоновой армии — имел приказание в начале сражения действовать оборонительно. По мере удачи Наполеона у Працена, Ланн подвигался вперед. Потом, узнав о решительной победе Наполеона и получив приказание наступать, он пошел упорно. Уваров два раза атаковал бывшую на правом крыле французов конницу и удерживал неприятеля, а князь Багратион в то же время останавливал французов в центре и на своем правом крыле. Когда возвратились к Ланну пехотная дивизия Кафарелли и драгунская Келлермана, первоначально отряженные к Блазовицу, где имели они дело с нашей гвардией, Ланн усилил нападение. Уваров повел общую атаку своими тремя полками и был опрокинут за овраг, с потерей конной артиллерии. Ланн обратил большие силы в левое крыло князя Багратиона, ослабленное отступлением Уварова, и выбил 6-й егерский полк из Круга и Голубицы.

Князь Багратион послал туда из второй линии Архангелогородский полк, графа Каменского 2-го — героя Финляндской войны. Упорно, но непродолжительно было сопротивление Каменского. Несколько раз конница окружала его, атакуя со всех сторон; в промежутки нападений французы громили его артиллерию. В один час выбыло из строя в Архангелогородском полку с лишком 1600 человек. Полк отступил в расстройстве, и здесь едва не погиб граф Каменский — тогда светлая надежда России. При общем смятении упал он с лошади, пробитой ядром. Батальонный адъютант Закревский — ныне генерал от инфантерии — предложил ему свою лошадь, и граф Каменский спасся на ней, выводя из огня остатки полка своего. Тогда, видя несчастный оборот дел в центре, князь Багратион начал отступать, сохраняя свое обычное хладнокровие — доныне предмет удивления австрийцев*. Он останавливался на трех позициях, и отступил до Раузница, Ланн следовал за ним по пятам, и уже готовился атаковать Раузницкую позицию, когда получил от Наполеона приказание остановиться, держась на одной высоте с армиею, пока совершился поражение нашего левого крыла**.

Здесь оставили мы дела в следующем положении: 1) Граф Буксгевден, пробившись с колонною Дохтурова у Тельница, ожидал впереди сего селения успехов 2-й и 3-й колонн; 2) Граф Ланжерон, лишенный содействия пошедших с Кутузовым полков Ряжского и Фанагорийского, и по разбитии Курского полка, поведенного на выручку их, возвращался к Сокольнице, где Олсуфьев сражался с полками 8-м егерским, Пермским и Выборгским; 3) Пржибышевский овладел Сокольницким замком, и атаковал французов, стоявших на высотах. Действуя оборонительно, Даву искусно поддерживал бой. После поражения нашего центра он получил повеление атаковать наше левое крыло, причем Наполеон известил его, что в тыл войск наших идет с Праценских высот часть корпуса Сульта, а сам он с гвардией и grenaderами на марше к Аугесту, на путь отступления нашего.

Удерживая Дохтурова и графа Ланжерона, Даву обратил главные силы против Пржибышевского, стоявшего по обоим берегам Гольдбаха; полки 7-й егерский, Галицкий, Бутырский и 2 батальона Нарвского, под начальством генерал-майора Штрика, были за ручьем впереди Сокольниц, а по сю сторону ручья, в резерве, находился генерал-лейтенант Вимпфен, с батальоном Нарвского, и полками Азовским и Подольским, потерявшими много людей под Шенграбеном, так, что в обоих было не более 1700 человек. Когда Даву начал атаку, Пржибышевский узнал о приближении французов в тыл Сокольница и послал уведомить о своем положении главнокомандующего и графа

* Österreichische Militair Zeitschrift. 1822. Pag. 291.

** План Аустерлицкого сражения, № 8-й.

Ланжерона, стоявшего левее от него, но посланные не могли исполнить данного им поручения, ибо Даву успел уже правым крылом отрезать сообщение 3-й колонны с графом Ланжероном. Не получая ни от кого приказаний, не имея сведений о ходе сражения, и видя, что войска расстреляли патроны и ежеминутно расстроиваются более и более, Пржибышевский всячески старался сохранять порядок и не решался отступать без повеления. Тем затруднительнее было положение его, что только за день до сражения принял он начальство над колонною, и вовсе не зная своих подчиненных, даже генералов, был совершенно чужд вверенному ему войску. Между тем Даву напирал на него. С знаменами в руках, наши офицеры бросались вперед и погибали. Пока Пржибышевский выдерживал кровопролитный бой, Сульт атаковал и разбил резерв Вимпфена, и взял в плен сего генерала, истекавшего кровью от полученной им раны. Селехов заступил место его, обратился в селение Сокольниц, загроможденное людьми, орудиями, зарядными ящиками, но от тесноты в улицах не было прохода, и по словам Пржибышевского и Селехова, «все вдруг смешались». Французы вломились в Сокольниц, отрезали путь отступления колонне и полонили раненого в начале дела, лежавшего в Сокольницком замке, генерал-майора Миллера. Пржибышевский решился идти с перемешанной толпою людей вправо, к Кобельнице, полагая встретить там 4-ю колонну, Колловрата, назначенную по диспозиции овладеть Кобельницом. На каждом шагу редели наши ряды, громимые пушечным и ружейным огнем. Стремительность нападений возрастила от убеждения французов в несомненном успехе. Преследуемые и окружаемые неприятелем, пройдя версты две, перед сумерками наши были близ Кобельница. Здесь французская конница врубилась в толпы и довершила расстройство, полонив генералов Пржибышевского, Штрика и Селехова. Солдаты не сдавались. Приметя за Кобельницом войска, и приняв их за австрийцев, наши бросились к мнимым союзникам, но вместо союзников встретили французов и были совершенно рассеяны*. В полках 3-й колонны выбыло из строя:

В 7-м егерском из 1125, выбыло более 700 чел.

— Галицком	— 1478	—	1100
— Бутырском	— 1709	—	1600
— Нарвском	— 1552	—	1300
— Подольском	— 709	—	180
— Азовском	— 990	—	400

Состояло перед сражением... 7563, выбыло более 5280 чел.

Отчаянное и продолжительное сопротивление 3-й колонны облегчило отступление Дохтурову и графу Ланжерону, ибо Сульт, занятый боем с Пржибышевским, не мог отрядить в тыл им войск своих. Хотя

* Из дел генерал-аудиториата, и журнала Государственного совета, 1810-го года.

граф Буксгевден уже получил повеление отступать, но не зная положительно, что в центре сражение было нами безвозвратно проиграно, он надеялся дать выгоднейший оборот делам, опрокинув правое крыло французов. Мнение графа Буксгевдена разделяли призванные им на совет австрийские генералы Стуттергейм и Кинмайер. Но когда граф Буксгевден увидел французов, спускавшихся в тыл ему, убедился он в бесполезности дальнейшей перестрелки за Тельницом и начал отступать с колонною Дохтурова через Тельниц, приказав также графу Ланжерону идти назад. Граф Ланжерон мог вывести из дела только два полка, 8-й егерский и Выборгский; Пермский, находясь впереди, был окружён неприятелем, и после мужественной обороны разбит наголову, потеряв убитыми, ранеными и пленными 5 штаб- и 39 обер-офицеров, 1684 нижних чинов, и лишась 6-ти орудий*. Среди столь огромной растраты людей, свидетельствующей об ужасном положении, в каком находился полк, солдаты сорвали с двух древков знамена и потом представили их Кутузову: явное доказательство, что виною гибели Пермского полка было не малодушие войск. Так в Азовском полку, среди губительных явлений сечи, раненый унтер-офицер Старичков сорвал знамя с древка, и взятый в плен, умел сохранить его под одеждою. Лежа в Брюнне на смертном одре, он передал знамя одному из своих товарищёй, и тот, по возвращении в Россию, представил его начальству. Знамя сие находится в С.-Петербургском Арсенале. Нарвского мушкетерского полка grenader Нестеров, видя убитым подпрапорщика, сорвал знамя с древка и спрятал у себя. Вскоре он взят был в плен, но нашел средство убежать, явился к армии во время возвращения ее в Россию и представил знамя Кутузову, который отдал знамя в полк, предписав прибить его к древку**. Многоя являлось под Аустерлицом примеров мужества. Долго сохранялись они в изустных преданиях, но никто не записывал их, и время истребило подвиги из памяти.

Граф Буксгевден и граф Ланжерон спешили достигнуть Аугеста, где пролегал путь отступления их, и успели пройти через селение только с двумя головными батальонами, ибо неприятель уже приближался туда с Праценских высот, отрезывая батальонам нашим вход в Аугест. Собрав сии войска, Дохтуров повернулся назад, поражаемый гвардейскою артиллерию Наполеона, лично им расположеною на Аугестских высотах. Оставшись главным распорядителем, Дохтуров велел Левизу, с тремя батальонами, составлять арриергард у Тельница и удерживать французов, не допуская их ударить в тыл его, а другим войскам идти двумя дорогами; через мост на Литаве, между Аугестом и Сачанским озером, и плотиною, между двумя озерами, на селение Сачан. От тяжести

* Строевая записка, от 1-го декабря.

** Донесения Кутузова государю императору, Дубно, 28-го февраля 1806-го года.

орудий провалился мост. Наши кинулись на замерзшее озеро, но лед не везде держался. Такая же бедственная участь постигла обратившихся на плотину. Узкая, она была удобна для прохода только двух человек рядом. Видя ее заваленою людьми и артиллерию, некоторые из частных начальников повели войско и орудия озерами. И здесь лед начал проваливаться; озеро поглощало людей, лошадей и пушки, а между тем Наполеон продолжал губительный пушечный огонь. Сверху сыпались на наши войска ядра и гранаты; под ногами их исчезал лед, и они погружались в студеную воду; но никто не бросал оружия; все старались помочь друг другу, даже спасать пушки. Тщетны были усилия храбрых одолеть препятствия, несоразмерные с силами человеческими. По мере перехода полков через плотину и озера, Дохтуров выстраивал войско в колонны. Опасаясь, что французы переправятся через Литаву у Аугеста, и станут наперерез пути его, он велел Кинмейеру, с австрийскою конницею и казаками, обскакать вокруг озер и расположиться против Аугеста; туда отправил он еще несколько батальонов пехоты, успевших прежде других перейти через плотину. Являя здесь невыразимое хладнокровие — отличительная черта славного боевого поприща его — Дохтуров вывел войска из теснин и озер, и ночью пришел в Нейдорф, где примкнул к нему Левиз, отступавший с арриергардом шаг за шагом. Французы пишут: «При конце проигранного сражения и в положении отчаянном невозможно более Дохтурова показать твердости»*.

Начинало смеркаться. Кутузов и князь Волконский шли с Фанагорийским и Рязанским полками на дорогу в Венгрию; графы Буксгевден и Ланжерон, миновав с двумя батальонами Аугест, перешли через Литаву, и левым берегом ее тянулись к Аустерлицу; гвардия была позади Аустерлица; князь Багратион стоял у Раузница; левее от него находился кавалерийский отряд Уварова; конница князя Лихтенштейна и остатки 4-й колонны были между Аустерлицом и Крженовицом. Наполеонова армия занимала почти те самые места, где перед сражением стояли союзники. Ланн и Мюрат были в виду Раузница; Бернадот на Праценских высотах; Сульт близ Аугеста, имея во второй линии гвардию и гренадеры; Даву у Тельница и Сокольница. Раузницкий ручей и Литава разделяли враждующие армии. Последние ружейные выстрелы слышались на левом крыле у Дохтурова, на правом у князя Багратиона, в центре у Милорадовича. В шестом часу, когда совершенный мрак покрыл окровавленные горы и равнины, пальба стихла, и запылали бивачные огни победителей. Шумно и весело располагались французы на ночлег, приветствуя Наполеона, когда он объезжал поле битвы и благодарил

---

* On ne peut à la fin d'une bataille perdue et dans une position désespérée faire une plus belle contenance que celle du général Doctouroff. Dumas, *Précis des événemens militaires*. T. XIV, P. 201.

полки. В ответ громоносному вождю раздавался гул восторженных восклицаний, подобных тем, какие слыхали мы, когда Александр являлся среди войск после побед своих в Германии и во Франции.

Отдав приказания, Наполеон отправился ночевать в Позоржиц. Дорогою встретил он пленных, и узнав, что между ими находятся русские гвардейские офицеры, спросил: «Кто старший?». Назвали полковника князя Репнина. «Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?» — спросил у него Наполеон. — «Я командовал эскадроном», — отвечал князь Репнин. — «Ваш полк честно исполнил долг свой», — сказал Наполеон. — «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату», — было ему ответом. — «С удовольствием отдаю ее вам», — возразил Наполеон, и спросил: «Кто этот молодой человек подле вас?» — Князь Репнин назвал поручика Сухтелена*, едва выходившего из отроческих лет. Посмотрев на него, Наполеон сказал улыбаясь: «Он слишком молодым вздумал потеряться с нами». — «Молодость не мешает быть храбрым», — смело, но выразительно отвечал Сухтелен. — «Прекрасный ответ», — сказал Наполеон. — «Молодой человек, вы далеко пойдете!» Прощаясь с пленниками, Наполеон приказал отвести их на биваки его и перевязать раны их**. Приказание было исполнено. Раненых отвели в шалапи, выстроенные в главной квартире Наполеона, где наших встретили радушно. Особенно ласковы были к ним высшие французские генералы².

* Умерший Оренбургским военным губернатором.

** Подлинный разговор происходил так: «Vous commandiez les chevaliers gardes de l'Empereur Alexandre?» — «Je suis chef d'escadron dans ce régiment». — «Votre régiment a fait noblement son devoir». — «C'est une belle récompense pour un soldat, que l'approbation d'un grand capitaine». — «Je vous l'accorde avec plaisir. «Qui est ce jeune homme à côté de vous?» — «Souchtelen, lieutenant dans mon escadron». — «Il est venu bien jeune se frotter à nous». — Souchtelen: «On n'a pas besoin d'être vieux pour être brave». — Napoléon: «Bien répondu, jeune homme. Vous ferez votre carrière. Qu'on aie soin ces messieurs, qu'on les mene à mon bivouac, et qu'on dise à Larrey, qu'il visite leurs blessures. Au revoir, prince Repnin!». Из Записок князя Репнина.